

Свидетельства, которые не стареют

Кто сказал, что язык документов сухой?
Мы помним все.
Ничто не позабыто,
Но мы за мир. Всерьез!
Для всех. Навек!
К. Симонов

С объемистой книгой, нелегкой для чтения, но, безусловно, нужной довелось познакомиться недавно. Или, точнее, знакомство оказалось как бы двойным. Сначала, так сказать, вприглядку...

Татьяна Мельникова, член Союза журналистов России

Всех нас, сидящих в зале музея краеведения, где проходили очередные областные краеведческие чтения, познакомил с недавно вышедшим объемистым томом «Военнопленные в Сталинграде. 1943–1954» его составитель и ответственный редактор – директор НИИ новейшей истории при Волгоградском государственном университете академик М. М. Загорулько.

И хотя, конечно, в отведенной регламентом устной авторской аннотации сборника могло уместиться не так много, реакция зала сразу оказалась заинтересованной. Тем паче немало сидело здесь, так сказать, не просто краеведов, а и «крестников» Максима Матвеевича Загорулько в широком и добром смысле слова.

Ведь, вернувшись с Великой Отечественной молодым офицером, Загорулько не только продолжает собственное образование, но и сам скоро становится его организатором.

Многие помнят его в нашем городе уже на посту ректора тогдашнего пединститута.

А потом Загорулько с первого, как говорится, колышка строит снаружи и изнутри, от стен до кадров, наш Волгоградский госуниверситет. Собирает, где только можно, научные силы, весьма последовательно вместе с соратниками растит на месте новые. С первых уже выпусков началась своя, университетская, научная поросль.

Родился и тот самый НИИ проблем экономической истории России, усилиями которого создано, в том числе, и описываемое здесь фундаментальное, впервые в данной теме научно-систематизированное издание «Военнопленные в Сталинграде. 1943 – 1954». Где наряду с фамилией составителя и ответственного редактора Загорулько стоят имена преподавателей университета Е. Цунаевой, С. Сидорова и москвичей Н. Тарховой, К. Мироновой, собравших и подготовивших для книги около трехсот документов, снабженных дополнительно квалифицированным справочным материалом.

Но так ли актуальны исследуемые авторами аспекты сейчас? – скажет иной читатель. – Разрушили? Пусть вернут, отстроят, все по-справедливости. Справедливость, однако, дело тонкое, повернуть здесь по прошествии времени, как показывает опыт, можно и так и сяк. К сожалению, подобное проявлялось, и не раз, даже в отношении к нам бывших союзников. А вот со стороны тех, чьи отцы волей или неволей с оружием в руках оказались у стен нашего города, интерес к истории самой большой войны минувшего века, положившей наибольшее число жертв с обеих сторон, не иссякает.

Мы, потомки защитников героического Сталинграда, знаем это и на практике. Иностранцев туристов у нас нынче даже, пожалуй, поболее своих.

А в том же, например, музее-панораме, в библиотеках можно ознакомиться с немалым числом совсем недавних изданий, посвященных событиям Сталинградской битвы. В том числе и изданий, вышедших в Германии.

И уже мы, современники, стали свидетелями, как медленно, постепенно, в результате долгой работы, где нужна как привычная государственная дипломатия, так и дипломатия народная, рождалось нынешнее понимание – надо жить в мире и беречь его. Даже при горячей еще памяти о невосполнимых потерях и жертвах.

Сколько, вспомним, было споров о немецких военных захоронениях на нашей земле. Нелегко воспринималась тема нашими ветеранами, матерями, потерявшими детей, и бывшими детьми, оставшимися в войну сиротами.

Но не случайно именно нашим людям всегда близки идеи гуманизма, идеи прощения – побежденного не бьют.

И это именно об этом, кстати, – побежденного не бей – и рассказывает увесистый том наших авторов. О том, сколько приложив усилий в труднейшее для самих себя время, но не растеряв высокой человеческой морали, сталинградцы помогли выжить десяткам тысяч больных и раненых немецких солдат. Для которых не находилось питания у их командования еще задолго до 2 февраля. Но фельдмаршал Паулюс, выполняя приказы фюрера, не принял ультиматума нашего командования, хотя голод уже косил его солдат больше, чем боевые потери.

На первых страницах толстого тома документов, о котором мы сегодня рассказываем, авторами приводится эпизод:

«В первых числах декабря 1943 г. в Сталинград прибыл спецпоезд, на котором правительственная делегация во главе с И. В. Сталиным возвращалась с Тегеранской конференции.

На перроне состоялась непродолжительная беседа с руководителями области. Генералиссимус поинтересовался ходом восстановления города и в частности – расчисткой руин. Спросил, используются ли на этих работах военнопленные. Начальник Сталинградского УНКВД генерал-лейтенант А. И. Воронин ответил: «Используем далеко не всех, так как многие из них тяжело больны дистрофией и сейчас лечатся».

Эти слова лишь частично раскрывают трагическую судьбу сталинградского котла.

И сколько требовалось усилий и гуманности в условиях воюющей страны, когда враг был еще очень силен, в обстановке чудовищных разрушений Сталинграда и прилегающих к нему районов организовать первую помощь голодным, холодным и зачастую больным пленным.

Но это делалось и было сделано. Не только во имя международных конвенций Красного Креста (мы знаем, как эти конвенции «выполнялись» в отношении наших военнопленных). А во имя законов человечности: наш народ никогда не воевал с безоружными.

В сборнике, описываемом здесь, приведены десятки документов буквально по каждой стороне пребывания военнопленных в Сталинграде и области. Опубликованы и документы об использовании пленных как рабочей силы. Большинство пленных, окрепнув, не отказывались от работы. Тем паче они могли получить за это со временем и некоторые льготы, и даже плату.

Велась в лагерях и разъяснительная работа, в том числе с использованием самих пленных – не все были убежденными нацистами.

В описываемом документальном исследовании приводятся подробные данные об участии пленных в возрождении жилого и промышленного фонда разрушенного Сталинграда.

В 45-м году было заключено управлениями лагерей с хозяйственными организациями города и области 47 хоздоговоров. В 46-м – 44, в 47-м – столько же.

И так до 53-го, когда началась уже массовая репатриация пленных на родину. Еще несколько ранее получили возможность вернуться на родину пленные, мобилизованные гитлеровцами в Австрии, Чехословакии... Осужденным же военным преступникам после середины пятидесятых годов пришлось дорабатывать сроки на Севере.

Есть в сборнике немало свидетельств и самих пленных.

Все вместе представляет большой интерес не только для специалистов, но и любого человека, интересующегося правдой истории, судьбами стран и народов.

Мне же хочется позволить себе привести здесь и несколько личных, хотя и детских, воспоминаний. Ибо буквально в те же времена, где-то с начала 43-го года, мы жили в Бекетовке, рядом с военным госпиталем. Здесь работал начмедом мой дед, Владимир Петрович Иванов, участвовавший как медик не только в Великой Отечественной, но еще и финской войне.

Госпиталь находился на улице Лавровой, в помещении бывшей школы.

И когда его превратили в госпиталь для военнопленных, то оставили там буквально все оснащение, инструменты, аптеку, кухню и. т. д.

Дед же наш с нами, - женщинами, уехал по приглашению завода «Баррикады» на «родину» – восстанавливать больницу им. Ильича.

Дом наш там довоенный был разрушен до основания, дали жилье в так называемых «английских» домах – двухэтажных кирпичных «кубиках», которые восстанавливали пленные немцы. Один дом восстанавливают, а в соседний уже въезжают жильцы: комнатки без удобств, а радовались как хоромам.

Немцев же привозили из лагеря, расположенного неподалеку, в поселке «Сорок домиков».

Конвоя было немного, «рабочники» слабые, худые, меняли у жителей самодельные игрушки на что-нибудь съестное.

Рядом с нашим отремонтированным домом оставалась во дворе огромная бомбовая воронка. Взрыв обнажил пласт песка, его стали использовать на строительстве. Стоит пленный, медленно шевелит лопатой, под носом мутная капля. Холодно уже, ноябрь, одежонка на немце еще «отечественная» – шинелишка. Это позже их одели в русские ватники.

Наши женщины пожалеют, вынесут чего поесть, от благодарности отмахнутся. Только Гитлера, проклятого, обязательно помянут, а пленный нередко тоже добавит торопливо: «Гитлер капут».

Так по «соседству» с лагерем наш район жил несколько лет. Видели мы взаимно и горькое, и доброе.

Как погибло несколько пленных – засыпало обвалившейся стеной разбитого дома, который они разбирали на кирпич.

Как спасли пленные нашего одноклассника Толю Пронина, он упал на оборванный электропровод и не мог сам отцепить от него обожженных пальцев.

...С годами пленных в городе, как и в области, становилось все меньше и меньше.

В начале пятидесятых получили право вернуться на родину большинство. Лишь военных преступников с длительными сроками отправили на Север.

В обширном же исследовании, о котором в этой статье главная речь, еще много документальных свидетельств, которые и поныне заставляют и негодовать, и грустить, и просто вспоминать.

Вспоминать и вновь, и вновь укрепляться в мысли, что война всегда катастрофа для многих и многих людей. Кто бы даже ни начал войну и каковы бы ни были ее масштабы.

И в этом вопросе надо чаще слушать не авантюристов, коль где-нибудь они находятся снова, а обращаться к разуму, к памяти.

Совершенно напрасно к слову «документы» нередко добавляют слово «сухие».

" Нет, они взывают к разуму, они – сильнейшие аргументы для людей, умеющих думать.

А еще документы могут и кровоточить. Ибо за ними – жизнь.

Не будем этого забывать. Скажем спасибо тем, кто делает с помощью документов нужные, глубоко аргументированные, красноречивые книги.

МЕЛЬНИКОВА Татьяна

Волгоградская правда, 02.06.2004